

Т.Н. СОЛОВЬЕВА
к.э.н., проф., первый проректор
Курской государственной сельскохозяйственной академии
имени профессора И.И. Иванова
(г. Курск)

ПРОДОЛЖАТЕЛИ ИДЕЙ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО В XX ВЕКЕ

В статье рассматривается проблема отношения российского общества к творческому наследию Н.Я. Данилевского, направления в исторической науке, являющиеся наследниками и продолжателями его идей.

Ключевые слова: теория культурно-исторических типов, историософия Данилевского, либерализм, евразийство, место развития, теория этногенеза.

Историософская концепция **Н.Я. Данилевского** (1822 – 1885) является знаковым событием в развитии отечественной науки. При господствовавшем в отечественной исторической науке в XIX в. либерально-западническом подходе взгляды Данилевского на развитие России, на русский культурно-исторический тип были оценены далеко неоднозначно. Одни либеральные историки пытались оспорить (а то и осмеять!) ученого, посмеявшегося усомниться в ценности европейского пути развития, ученого, отрицающего уникальность западного «прогресса». Николай Яковлевич справедливо указывал: *«Но и те, которые, собственно, не могут претендовать на честь принадлежать к Европе, так ослеплены блеском ее, что не понимают возможности прогресса вне предложенного ею пути, хотя при сколько-нибудь пристальном взгляде нельзя не видеть, что европейская цивилизация так же односторонняя, как и все на свете»* [1, с. 81]; *«ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечного прогресса и так как каждый народ изживает, то понятно, что результаты, достигнутые последовательными трудами этих пяти или шести цивилизаций, своевременно сменявших одна другую и получивших к тому же сверхъестественный дар христианства, должны были далеко превзойти совершенно уединенные цивилизации, каковы китайская и индийская, хотя бы эти последние и одни равнялись всем им продолжительностью жизни. Вот, мне кажется, самое простое и естественное объяснение западного прогресса и восточного застоя. Однако же и эти уединенные культурно-исторические типы развивали такие стороны жизни, которые не были в той же мере свойственны их более счастливым соперникам, и тем содействовали многосторонности проявлений человеческого духа; в чем, собственно, и заключается прогресс»* [1, с. 102]; *«Прогресс... состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественниками или современниками, во всех сторонах развития»* [1, с. 126].

Другие историки пытались просто не замечать его теории, так как самое страшное для серьезного ученого не оспаривание, не осмеяние, а именно игнорирование его идей. Однако при жизни Данилевского замолчать его идеи не удалось: слишком многогранна и колоритна была личность их автора, слишком целеустремленно, порой не щадя себя, пытался он доказать правоту и практическую значимость своей теории.

После смерти Николая Яковлевича его идеи не были забыты, однако интенсивность их пропаганды пошла на спад. Его теории, основанной на трепетном отношении к религии, к Православию, не суждено было овладеть умами российской интеллигенции. В конце XIX – начале XX века были популярны другие теории – социалистические либо либеральные. Абсолютно оторванные от реальности социалистические мечтания и либеральные благоглупости закрыли от них истинную народную жизнь с ее подлинно творческим началом. И социализм, и либерализм являлись продуктами западной цивилизации, полностью отрицающей не только самобытность неевропейских культур, но и высмеивающей религию, как пережиток прошлого. В среде «мыслящей» интеллигенции и либерального дворянства считалось хорошим тоном высмеивать все русское (естественно преклоняясь перед иностранным, прежде всего англо-французским), глумиться над религией, считая ее «мракобесием», а истинно верующих объявлять людьми с психическими отклонениями. Стало модным становиться в оппозицию к царю по любому поводу, считая его деспотом-самодуром, правительство – «держимордами» и тому подобное (причем не важна была личность императора – Александр II, Александр III или Николай II – главное не «запятнать» себя сотрудничеством или даже поддержкой власти, а то чего ради «прогрессивная общественность» не поймет, высмеет, осудит!). Поэтому идеи Данилевского не могли стать духовной доминантой «мыслящей части» российской «прогрессивной общественности», прежде всего потому, что сама духовная доминанта как таковая у них попросту отсутствовала. Впрочем, наверное, это длительная болезнь нашей интеллигенции, особенно, творческой ее части: вспомним, с каким восхищением наша «мыслящая часть» и «творческое начало» встретили кощунственную выходку извращенки из Pussy Riot, с каким остервенением требовали их освобождения (забыв, что Храм Христа Спасителя не только объект религиозного культа, но и памятник русским воинам 1812 г., причем для западников это мелочь, ведь воины-то русские, да и воевали они против «просвещенной» либеральной Европы...), как радостно поддерживали они освобождение Парижским судом таких же извращенки из украинской Femen, устроивших дебош в Соборе Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris), как яростно ругают они правительство за присоединение Крыма, с какой оголтелой ненавистью относятся они к русским ополченцам Донбасса и тем нашим гражданам, которые не словом, а делом пытаются помочь братскому народу Новороссии. Воистину, «болезнь» нашей «прогрессивной общественности» неизлечима. Так что же получили их предшественники, отвергавшие русскую самобытность, Бога, Православную веру, единение с русским царем?

Получили они кровавую революцию. Революцию, которая подняв наверх самые темные пласты русской жизни, выпустил наружу самые запретные

инстинкты человека, разразилась пятилетней бойней, точное число жертв которой исчисляется десятками миллионов и не известно до сих пор. Миллионы русских, проигравшие войну другим миллионам русских, вынуждены были уходить за границу. Вместе с ними как ненужную рухлядь выкинули и «мыслящую часть» с «творческим началом». Та часть либеральной «прогрессивной» интеллигенции, которая осталась в стране, испуганно забилась по щелям, а вскоре униженно стала обслуживать новую власть, в душе ее ненавидя и презирая. Была и другая интеллигенция. Такая, как, например А.Н. Толстой, К.М. Симонов, Н.И. и П.И. Вавиловы, А.А. Брусилов, считавшая, что всегда должна не обслуживать конкретных представителей власти за лакомые куски с их барского стола, а служить своей стране, своему народу. Если для них смысл жизни состоял в служении, то для первых в приспособлении, желании неплохо и сытно жить любой ценой. После Октябрьской революции именно они сделали все, чтобы осудить и забыть идеи Данилевского. При идеологическом господстве марксизма сделать это было просто, тем более что рядовые большевики, вчерашние рабочие и крестьяне, будучи искренними патриотами своей страны, в подобных вопросах разбирались плохо.

В эмиграции лучшая часть русской интеллигенции, горько переживая разлуку с Родиной, пыталась создать теорию, которая бы примирила между собой историософию Данилевского и то лучшее, что было в советском социализме. Так возникло евразийство.

Основателями евразийства были: филолог и лингвист мирового масштаба князь **Н.С. Трубецкой** (1890 – 1938); географ и экономист **П.Н. Савицкий** (1895 – 1965); музыковед, литературный и музыкальный критик **П.П. Сувчинский** (1892 – 1985); крупнейший русский историк **Г.В. Вернадский** (1877 – 1973); правовед, политолог и историк русской общественной мысли **Н.Н. Алексеев** (1879 – 1964); историк культуры, литературовед и богослов **В.Н. Ильин** (1891 – 1974). По своим взглядам был близок к евразийству великий князь **Владимир Кириллович Романов**.

Евразийское движение началось с выпуска книги «Европа и человечество» Н.С. Трубецкого. Евразийцы выпустили ряд манифестов, в которых отразили свои взгляды. Первым был манифест «Предчувствия и свершения» (1921 г.). В 1926 году был опубликован текст «Евразийство (опыт систематического изложения)», а в 1927 году евразийцы предложили обновленную формулировку своих идей, выпустив брошюру с названием «Евразийство (формулировка 1927 г.)». Принципы евразийства как мировоззрения изложил в своей программной статье «Мы и другие» Н.С. Трубецкой в 1925 году, а затем П.Н. Савицкий в статьях «Евразийство» (1925) и «Евразийство как исторический замысел» (1933). Евразийцы опубликовали ряд сборников: «На путях. Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922), «Евразийские временники» (Берлин, 1923, 1925, Париж, 1927), в которых подробно изложили свои взгляды.

Сторонников движения объединяла идея о России как особом мире, на развитие которого решающее значение оказал материк Евразия. Евразийцы ввели новый термин – месторазвитие, под которым Савицкий понимал взаимосвязь и целостность социально-исторической и географической среды. Народы

исторически приспосабливаются к географической среде, которая накладывает свой отпечаток на образ жизни, нравы, традиции обитателей тех или иных ландшафтов. Месторазвитие, испытывая влияние населяющих его народов, детерминирует формы их хозяйственной деятельности.

Мировоззрение большинства евразийцев складывалось под влиянием славянофилов. Но особое влияние на них оказали идеи Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Евразийцы не были простыми преемниками идей славянофилов. Связывая культуру с религией, судьбой Православия, славянофилы, по их мнению, были, безусловно, правы. Однако Савицкий особо отмечал, что русская культура своеобразна: в ней переплетаются и взаимодействуют евразийские и азиатские элементы. И в этом ее сильная сторона. Подобным образом сочетала в себе элементы Запада и Востока Византия. Ее культура – евразийская. Кроме того, евразийцы утверждали первенство духовного, культурного родства над этнической общностью. Они также признавали приоритет общности исторических судеб над этнической общностью. В трудах П.Н. Савицкого и Н.С. Трубецкого развиваются идеи, сформулированные в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Трубецкой определял культуру как *«исторически непрерывный продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений данной социальной среды»* [7, с. 329]. Как и Данилевский он отрицает «общечеловеческую культуру», под которой поклонники Запада подразумевают, прежде всего, западноевропейскую культуру. Западноевропейская культура для неевропейских народов, по мнению Н.С. Трубецкого, является губительной. Обитая в определенном географическом месторазвитии, люди формируют свой образ жизни, развивают свою культуру, духовно-нравственные, бытовые устои жизни. Ломая эти устои, западная цивилизация разрушает души народов, моральные нормы и принципы, по которым они жили веками. Поэтому Трубецкой справедливо считал, что «братство народов – гнусный подлог» [7, с. 331]. По его мнению, национальные культуры – это сложившиеся системы со значительным числом элементов, которые составляют единую силу. Эта *«единая гармоничная сила непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности»* [7, с. 334]. Субъектом культур он считал *«совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющие (автаркическое) месторазвития и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства»* [8, с. 329].

Савицкий утверждал: *«Культура России не есть культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той или других. Она совершенно особая специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатская. Ее надо противопоставлять культурам Европы и Азии как срединную, евразийскую культуру. Этот термин не отрицает за русским народом первенствующего значения в ней... Мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими. Сбросив татарское иго, мы должны сбросить и европейское иго»* [5, с. 39].

По поводу западничества Савицкий писал: «мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийскорусской культуры и особого ее субъекта как симфонической личности... мы решительно отвергаем существо западничества, т.е. отрицание самобытности и, в конце концов, самого существования нашей культуры» [5, с. 40].

Оценивая идеи П.Н. Савицкого, видный отечественный политолог Н.А. Нартов писал: «Савицкий не воспринимал культуру как случайную совокупность различных элементов – он видел ее органическим и специфическим единством, живым организмом. Согласно его подходу культура предполагает существование субъекта, «особой симфонической личности», которая осуществляет себя в культуре, рождаясь, развиваясь и умирая как и всякая личность... По словам Савицкого, культура, как в своем рождении, так и в развитии является органическим целым, конвергентно проявляясь в различных формах (например, политических, социально-хозяйственных и др.), в бытовом укладе, этническом типе, географических особенностях... Наши великий соотечественник видит Евразию как возглавляемый Россией особый культурный мир... И хотя евразийская культура связана, безусловно со многими культурами, ближе и родственнее ей все же культуры азиатские» [3, с. 132 – 133].

По мнению евразийцев, политическая власть в российско-степных суперэтносах – оседлого и кочевого населения Евразии – могла быть только авторитарной. Россия являлась идеократией. Это такой политический строй в государстве, когда правящий класс руководствуется при формировании государственных институтов и управлении обществом не имущественными или иными мотивами, а реальным или воображаемым идеалом, идеологической доктриной. Под идеократией евразийцы понимали не либеральное правление, подразумевающее выборы, а такие формы как диктатура, самодержавная монархия. Идеократическая форма правления в России изначально базировалась на духовном начале, т.е. и физический мир и материальные потребности органически включались в духовный, идейный, военно-политический процесс.

Н.А. Нартов писал: «Начло становления “идеократический” Руси связывают с Именем Ивана Калиты. И “татарщина”, по мнению евразийцев, дала основной толчок к созданию централизованного мощного государства Общим между Киевской Русью и Россией, считает Трубецкой, является только название “Русь”, а с географической и хозяйственно-политической точки зрения это были разные государства, между которыми не существовало исторической преемственности. Завоевание монголами русских князей (за исключением Великого Новгорода), включение их в монгольскую великую державу не только показали русским князьям технику государственности, но и позволили им усвоить сам дух государственности. Таким образом, к началу XIV века на смену удельным понятиям о государственности Киевской Руси пришла идея централизованного многонационального государства: Руси-России. Русская мысль обратилась к духовно более близкой государственности Византии. Там она нашла примеры для подражания: обрусение и оправавление монгольских идей... После разгрома монголо-татар великие князья московские стали собирателями не только земли русской, но и земли татарской. Практически после XV века Россия стала

играть общевразийскую роль... Государственность России оказалась сильнее монгольской так как опиралась на прочное религиозно-бытовое основание, на взаимопроникновение православной веры и бытовой жизни, которое Трубецкой называет бытовым исповедничеством» [3, с. 136 – 137].

В результате реформ Пета I, по мнению Трубецкого, сложилась «антинациональная монархия». В этот период Россия изменила своему геополитическому призванию и попыталась стать европейской державой, став «младшим партнером» европейских держав. Россия вела самоубийственные для нее войны на стороне своих западных геополитических противников и против своих естественных геополитических союзников.

Ведущий политолог современности А.Г. Дугин так оценивал деятельность евразийцев: «Евразийство представляет собой направление, которое суммировало и систематизировало в своем мировоззрении основные философские, социологические и исторические взгляды “ранних” и “поздних” славянофилов, а также пошло дальше них в отторжении Запада и утверждении самобытного характера русской цивилизации (в этом они были ближе к Леонтьеву и Данилевскому, нежели к Киреевскому и Хомякову). Евразийцы утверждали, что Россия не является частью европейской культуры, пусть даже самобытной, но представляет собой самостоятельную цивилизацию... Эта цивилизация... полностью самостоятельная и уникальная, которую надо рассматривать саму по себе – как нечто отличное от Запада и Востока. При этом евразийцы подчеркивали, что Запад агрессивен, а Восток терпелив и созерцателен, поэтому влияние Запада активно искажает русскую самобытную культуру, а влияние Востока осуществляется мягче и деликатнее. Поэтому евразийцы с симпатией относились к Азии и жестко отвергали все типы западничества и идеологические субпродукты западной культуры – либерализм, индивидуализм, расизм, экономизм, атеизм, материализм, техноцентризм и т.д.» [2, с. 85]

Таким образом, «целью евразийства было создать новую русскую идеологию, способную осмыслить происшедшие в России события и указать молодому поколению цели и методы действия» [4, с. 6]. В основу этой идеологии должны были быть положены следующие идеи: самобытность великорусской евразийской культуры, господство идеологии (стержнем которой должно было быть Православие), «правлящий отбор» при котором господствующий класс выражает не групповой, а общенациональный интерес. Н.С. Трубецкой писал: «Мысля новую партию как преемницу большевиков, мы уже придаем понятию партии совсем новый смысл, резко отличающий ее от политических партий в Европе. Она – партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других таких же партий. Она – государственно-идеологический союз... не совпадающий с государственным аппаратом» [4, с. 9]. Однако создать такой союз, сделать свою идеологию массовой, евразийцам, оторванным от Родины, так и не удалось. Судьба евразийцев наглядно демонстрирует, что, любые попытки, развивать идеи Н.Я. Данилевского вне рамок тогдашнего СССР были обречены на провал – эти идеи могут быть поняты и приняты только на родной для них почве.

В СССР же идеи Н.Я. Данилевского надолго были преданы забвению. Лишь в середине 60-х гг. выдающийся советский ученый *Л.Н. Гумилев* (1912 – 1992) на основе теории Данилевского создает учение об этногенезе. Гумилев рассматривает человечество и этнос как биосоциальные категории. Он исследовал биоэнергетическую доминанту этногенеза и назвал ее пассионарностью. Если евразийская концепция была синтезом истории и географии, то его доктрина опиралась на выводы истории, географии и естествознания. Именно пассионарные толчки, считал Гумилев, определяют развитие евразийского суперэтноса (культурно-исторического типа). Они обуславливают приоритет тех или иных моральных ценностей в разные периоды истории. Гумилев решительно отвергал западническую концепцию «социального прогресса»: *«Можно конечно продолжать считать, будто история определяется социально-экономическими интересами и сознательными решениями. Но... в жизни человеческой нет ничего более нестабильного, чем социальное положение... Но никакими усилиями и желаниями не может человек сменить свою этническую принадлежность... Не заставляет ли это предположить, что в недрах многообразной этнической стихии человечества сокрыты глобальные и объективные закономерности исторических процессов?»* [4, с. 185] Гумилев считает, что отличия одного этноса от другого определяются не «способом производства» или «уровнем образования», а стереотипом поведения, которые человек усваивает в первые годы жизни от родителей, сверстников, а затем использует всю жизнь. В этносе в отличие от обществ работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы. Этнос приспосабливается к географической, а каждый отдельный человек к этнической среде.

Для того чтобы двигаться вперед, творить, этносу нужно огромное количество энергии. Эту энергию человечество получает из космоса, как солнечный свет. Гумилев был глубоко верующим человеком и полагал, что природа этой энергии жизни носит божественный характер (в стремлении вмести Господа Бога к социальным процессам его обвиняли оппоненты, от ортодоксальных марксистов до либералов-западников). Способность людей поглощать эту энергию различна. В соответствии с ней можно разделить всех людей на три категории.

1. Наибольшее число людей располагает этой энергией в количестве достаточном, чтобы удовлетворить потребности, диктуемые инстинктом самосохранения. У этих людей инстинкт жертвенности ради других и инстинкт самосохранения – уравновешены. Они работают, чтобы обеспечить нормальную жизнь своему потомству. Заряд пассионарности равен инстинкту. Гумилев назвал их гармоничным типом.

2. Есть люди, наделенные «экстремальной энергетикой» («пассионарностью»). У этих людей инстинкт самосохранения ниже, чем идея жертвенности (заряд пассионарности выше инстинкта). Эти люди живут ради своих идеалов, часто иллюзорных, но готовы отдать за них и свою, и чужую жизнь. Это пассионарный тип.

3. Если инстинкты выше идеи жертвенности (заряд пассионарности ничтожен и гораздо ниже инстинкта), то человек живет ради удовольствий. У него нет никакой цели жизни, кроме собственных капризов, зачастую сиюминутных. Это

субпассионарный тип. Если первый тип это «строители» жизни, второй это – «архитекторы» жизни, то этот тип ничего не способен создать, но может только разрушать все вокруг себя, удовлетворяя свои потребности только за счет других.

В каждом этносе соотношение типов меняется со временем. Если при достаточном количестве пассионариев основную массу населения составляют гармоничные люди, то идет успешное развитие во всех сферах жизни общества. При большом количестве пассионариев начинаются войны (межгосударственные или гражданские), революции, иные катаклизмы – пассионарии никогда не смогут договориться между собой, считая только свою точку зрения единственно верной. Если преобладают субпассионарии, то этнос гибнет, так как основная часть населения ищет в жизни только удовольствия и не способна не только к строительству чего-то нового, ценного, но даже к воспроизводству самого себя. В морально-этической сфере господствует культ удовольствия, удовлетворения своих животных инстинктов любыми способами. Гумилев наглядно показал это на примере Римской и Византийской империй. По его мнению империи пали не в результате варварских нашествий, а из-за нежелания защищать самих себя. Именно этот этап переживает сейчас Западная Европа: все «толерантные извращения», вроде однополых браков или партии педофилов – это результат преобладания в европейском обществе субпассионарного типа: *«как бы мы сегодня не стремились копировать Европу, мы не сможем достичь их уровня благосостояния и их нравов, потому что наш уровень пассионарности, наши императивы предполагают совсем иное поведение»* [4, с. 192].

В итоге Гумилев приходит к следующим выводам:

1. Общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна. Культура каждого этноса своеобразная, и именно благодаря этой пластичности человек выжил на планете Земля: *«история идет не вообще, а именно в конкретных этносах и суперэтносах, каждый из которых обладает своим запасом пассионарности, своим стереотипом поведения, собственной системой ценностей – этнической доминантой. И поэтому говорить об истории всего человечества не имеет смысла... Поэтому разговоры о “приоритете общечеловеческих ценностей” наивны, но небезобидны. Реально для торжества общечеловеческих ценностей необходимо слияние всего человечества в один-единственный гиперэтнос. Однако до тех пор, пока сохраняются различия уровней пассионарного напряжения в уже имеющихся суперэтносах, пока существуют различные ландшафты Земли, требующие специфического приспособления в каждом отдельном случае, – такое слияние мало вероятно и торжество общечеловеческих ценностей, к счастью будет лишь очередной утопией. Но даже если представить себе гипотетическое слияние человечества в один гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют отнюдь не “общечеловеческие ценности”, а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса»* [4, с. 189].

2. Контакт на суперэтническом уровне между этносами Евразии и иными этносами дает негативные результаты. Там, где сталкиваются два и более суперэтноса, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов. Поэтому естественное состояние взаимоотношений между Европой и Евразией

не сотрудничество, а конфликт, отказ от которого может привести к непредсказуемым результатам: «соединение двух суперэтносов как таковых невозможно, но остается возможным отрыв отдельных этносов и присоединение их к другому суперэтносу. Вхождение России в “семью цивилизованных народов” как раз и является одним из проигрываемых сегодня вариантов присоединения страны к новой суперэтнической системе. Но было бы величайшим заблуждением думать, что итогом строительства “общеевропейского дома” станет обоюдное торжество общечеловеческих ценностей. Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей собственной этнической доминанты и замену ее на господствующую систему ценностей нового суперэтноса. Вряд ли в нашем случае произойдет иначе. Ценой входа в цивилизацию станет для нас господство западноевропейских норм поведения и психологии. И легче ли окажется от того, что эта суперэтническая система ценностей неправомерно наречена “общечеловеческой”? С той же степенью обоснованности могла бы фигурировать в качестве общечеловеческой православно-христианская, исламская или конфуцианская система взглядов и оценок» [4, с. 190].

3. Духовность евразийских народов представляет собой единую суперэтническую ценность, любой территориальный вопрос может быть решен только на фундаменте евразийского единства.

А.Г. Дугин отмечал, что «Гумилев жестко критиковал Санкт-Петербургский период русской истории, считая, что с этого момента русское общество раскололось на две составляющие – прозападную элиту и замкнувшиеся сами на себя массы – каждая из которых постепенно выработала автономную культуру, диссонирующую друг с другом. Образованное сословие русского дворянства смотрело на Россию европейскими глазами и из-за этого не смогло понять логики собственной истории. Только отойдя на определенную дистанцию от Запада и глубже исследовав восточные влияния в русской истории, можно понять ее самобытную логику. Л. Гумилев исходил из аксиомы ценности и величия самобытной русской культуры, был горячим русским патриотом и сторонником укрепления российской державы. При этом, как и евразийцы, он стоял по ту сторону “белых” и “красных”, полагая, что рано или поздно любая власть осознает «пространственную судьбу России и будет вынуждена укреплять континентальную евразийскую державу, какой бы идеологией она не прикрывалась. Так же как и евразийцы. Гумилев придерживался циклического видения истории и отвергал идеи однонаправленного прогресса, считая, что все общества развиваются по разному и находятся в разных моментах своего становления. Западную Европу Гумилев видел как заканчивающую свой цикл и клонящуюся к неумолимому закату, а России предрекал “золотую осень” эпохи расцвета культуры и искусств» [2, с. 95].

Однако именно учение Гумилева, выбивающееся из руслу официальной идеологии, восходящее корнями к идеям Данилевского, вызвало яростную критику среди ученых, в первую очередь той их части, которая в душе ненавидя и марксизм, и Советскую власть, тем не менее, униженно им служила. Впрочем, его учение вызывало гнев и у либералов. Гумилев «продолжатель (идеи Данилевского и евразийцев – **авт.**) и пропагандист (в какое-то время единственный

в стране!) должен был по логике нашей жизни получать ответные удары. И он их получал. На заре “перестройки” тогдашний ортодоксальный марксист Юрий Афанасьев – ныне один из главных “демократов” – нанес такой удар по Л. Гумилеву в журнале “Коммунист”. Проработочная тирада звучала так: “В прямом противоречии с марксистско-ленинскими критериями разрабатывались так называемые евразийские теории с их антиисторическим, внеклассовым, биолого-энергетическим подходом к прошлому”. Но оказывается “громить” евразийство можно не только с марксистских, но и с яро-антимарксистских позиций, в эпоху “плюрализма”. Другой бывший марксист (в отличие от Ю. Афанасьева он работал в “Молодом коммунисте”), а ныне – гражданин США Александр Янов уже после смерти Л. Гумилева в крайне злобной статье так характеризует евразийство: “имперско-изоляционистская установка, характерная для выродившегося славянофильства, неминуема должна была вести и привела к фашизму”. Но и этого мало: “Я утверждаю... что “учение Гумилева” может стать идеальным фундаментом российской “коричневой” идеологии, в которой так отчаянно нуждается Русская новая правая”» [4, с. 15]. В другой статье, посвященной Гумилеву, мистер Янов сподобился изречь: «безусловная антизападная ориентация евразийства, которая... привела их в лагерь экстремистского национализма, а затем к вырождению в реакционную эмигрантскую секту. Ничего особенного в этой эволюции евразийства, разумеется, не было. В конце концов все русские антизападные движения, как бы либерально они ни начинали, всегда проходили аналогичный путь вырождения» [6, с. 459]. Современный российский историк С.Б. Лавров так оценил «потуги» Янова: «По сорокости Янов не удосужился ознакомиться с теми оценками евразийства, которые исходят совсем не от русских новых правых. Великий князь Владимир Кириллович... говорил о евразийстве так: “Течение это незаслуженно предано забвению, между тем как многое в идеях Вернадского и Трубецкого, Зелинского и Савицкого, Карсавина, Иванова... удивительно актуально сегодня. Я имею в виду прежде всего идеи о том, что исторические судьбы России неотделимы от судеб Азии, евразийского Севера, Турана и, следовательно, тюркских народов. Российская империя могла бы стать, но не стала евразийской. К сожалению. Славянство и Туран, Русь и Степь... убежден, еще найдут в себе силы и энергию для нового взаимообогащающего синтеза. И идеи мыслителей-евразийцев еще окажут весьма ценную помощь этому мирному объединительному процессу”. Да, великий князь в отличие от А. Янова, был высокоэрудированным человеком, к тому же государственным» [4, с. 15].

Впрочем, лейтмотив выступлений «общечеловека-либерала» Янова понятен: любая попытка заявить об уникальности русской культуры – «экстремистский национализм» создать историческую концепцию, основанную на патриотизме – «фашизм», или в лучшем случае «экстремистская секта». Лейтмотив предельно ясен: проживая с 1975 года в США, бывший ортодоксальный марксист, преданно служивший Советской власти (и не менее яростно ее при этом ненавидящий), теперь просто отрабатывает «капиталовложения» новых хозяев.

Среди историков «почвенническо-патриотического» направления в авангарде травли евразийства и Гумилева стали А.Г. Кузьмин и В.А. Чивилихин.

Причем, не имея серьезных научных аргументов, они перешли к прямым оскорблениям и высмеиванию личности самого Льва Николаевича (схожим образом в XIX в. либералы-западники травили Данилевского). Причем делали это столь беспардонно и непрофессионально, что Гумилев был вынужден выступить в печати: *«В науке споры неизбежны. Благодаря спорам наука развивается. Но полемика может быть научной и антинаучной. Научная полемика – это возражение против выводов, которые представляются оппоненту противоречащими фактам и логике; антинаучная полемика – это осуждение личности оппонента, ради чего привлекаются разные сведения, порочащие противника, причем это делается вопреки логике и с привлечением не всех фактов, а только тех, которые полезны полемисту... Все приемы антинаучной полемики, даже гипертрафированной, имеют место в статье А. Кузьмина (доктора исторических наук) “Священные камни памяти”, написанной как рецензия на роман В. Чивилихина “Память”... О романе почти ничего не сказано. Содержанием статьи является почти некорректная полемика с историком Л.Н. Гумилевым и более завуалированная с филологом Г.М. Прохоровым. Что же касается романа, то, видимо, грубые ошибки В. Чивилихина, явились следствием консультаций А. Кузьмина, почему последний и вынужден был отстаивать их от своего имени. В статье 128 фактических ошибок, подтасовок и передержек»* [6, с. 313].

Оппоненты Гумилева не отличались оригинальностью. А.Г. Кузьмин (1928 – 2004), работавший в МГУ на кафедре истории СССР эпохи феодализма, отстаивал сочиненную на Западе концепцию о перманентной отсталости России, виной чему было монголо-татарское нашествие и золотоордынское иго. А так как Гумилев напрочь отказывал России в «отсталости», то Кузьмин считал его «русофобом». Действительно новаторских, «прорывных» работ А.Г. Кузьмин после себя, к сожалению, не оставил. В.А. Чивилихин (1928 – 1984) не был профессиональным историком. В 60 – 70-е гг. изъездил Сибирь, написав ряд очерков о современниках, осваивающих Сибирь, и о взаимоотношении человека и природы. В 1980 году написал исторический роман «Память», где полемизируя с Гумилевым, допустил ряд исторических ошибок. Наибольшее возмущение Кузьмина и Чивилихина вызвала гумилевская трактовка монгольского нашествия и золотоордынского ига. Несомненно, будучи искренними патриотами Кузьмин и Чивилихин трактовали русский патриотизм весьма оригинально: русский народ – типичный европейский народ, русская культура – часть общеевропейской культуры, вот только «подотстали» русские в своем развитии от Европы из-за злых монголов. То, что европейцы смотрели (и смотрят!) на русских как на «отсталых недочеловеков», ни в коем случае не соглашаясь признать русскую цивилизацию равной европейской хотя бы теоретически, их, видимо, не смущало. Как не смущал их и тот факт, что русское государство, появилось именно на землях подвластных орде. В землях же покоренных Европой государственность так и не возникла, из-за царившего там культурного геноцида.

После развала СССР идеология марксизма пала. Возник идеологический вакуум, который вновь попытались заполнить либералы – западники (и вновь безуспешно). На рубеже XX – XXI веков идеи Н.Я. Данилевского, евразийцев и Л.Н. Гумилева продолжали развивать в своих работах С.Б. Лавров,

В.А. Мичурин, А.Г. Дугин, В.Е. Шамбаров, писатель Д.М. Балашов. Однако при всей многогранности и скрупулезности их труда, при их искреннем желании противостоять «общечеловекам-западникам», защитить от них истоки русской культуры, новой общенациональной идеологии, к сожалению, не создано. Для ее создания необходимо объединение всех, кто разделяет идеи Н.Я. Данилевского и его духовных наследников. Сегодня создание такой идеологии в условиях практически открытого противостояния России и Запада актуально как никогда.

Список источников и литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. – М.: Алгоритм, 2014.
2. Дугин А.Г. Геополитика России: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2012.
3. Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика: учебник для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
4. Гумилев Л. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М.: АСТ, 2008.
5. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997.
6. Лев Гумилев. Теория этногенеза: Великое открытие или мистификация?: сборник статей / сост. М. Зильберт. – М.: АСТ, 2013.
7. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // История, культура, язык. – М.: Прогресс, 1995.

PROFESSOR T.N. SOLOVYEVA

Candidate of Economy, first vice-rector of Kursk state agricultural I.I. Ivanov Academy (Kursk)

SUCCESSORS OF N.Ya. DANILEVSKY'S IDEAS IN THE 20 TH CENTURY

The article studies the relations of Russian society to the scientific legacy of N.Ya. Danilevsky, and outlines the directions in historic science which follow and support his ideas.

Keywords: theory of cultural-historic types, history-philosophy of N.Ya. Danilevsky's liberalism, Euro-Asian thinking, theory of ethnic genesis.